

Woman in Russian Society
2017. No. 3 (84). P. 17—32
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.2

Женщина в российском обществе
2017. № 3 (84). С. 17—32
ББК 60.523
DOI: 10.21064/WinRS.2017.3.2

СЕМЕЙНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ
КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» РОССИИ:
ДИСКУССИИ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
И ЗАПАДНЫХ СМИ

Т. Б. Рябова^а, Д. О. Рябов^б

^а Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru

^б Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург),
г. Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена проблеме использования репрезентаций гендерного порядка в качестве «мягкой силы» государства. Авторы рассматривают дискуссии в российских и западных медиа о том, в какой степени образ России — оплота традиционных ценностей — может быть использован в качестве ресурса ее «мягкой силы» на международной арене. В политике российской идентичности образ России как хранительницы семейных и религиозных ценностей играет все более заметную роль. Такой образ достаточно утвердился и в западных медиа. Вместе с тем он подвергается критике: подчеркивается, во-первых, что идея восстановления роли традиционных ценностей является архаичной, направленной против гендерного равенства; во-вторых, что она носит пропагандистскую направленность и является частью «гибридной войны», которую Россия ведет против Запада.

Ключевые слова: семейные ценности, религиозные ценности, внешняя политика России, «мягкая сила», политика российской идентичности, гендерные отношения.

© Рябова Т. Б., Рябов Д. О., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 15-03-00010 «Символ “Родина-мать” в символической политике современной России» и № 16-03-00527 «Гендерное измерение современного российского антиамериканизма: политологический анализ».

**FAMILY AND RELIGIOUS VALUES
AS A “SOFT POWER” RESOURCE:
DEBATES IN CONTEMPORARY RUSSIAN
AND WESTERN MASS MEDIA**

T. B. Riabova^a, D. O. Riabov^b

^a Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation,
riabova2001@inbox.ru

^b National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg),
St. Petersburg, Russian Federation

The paper deals with problem of employing the representations of gender relations as a “soft power” resource in international arena. The authors examine how contemporary media discuss the issues whether the image of Russia as a bulwark of traditional values can be used as Russian “soft power” resource in the international arena. The image of Russia as the guardian of family and religious values plays a noticeable role in Russia’s identity politics. At the same time it meets criticism which points out that the idea of restoration of the traditional values, first, is archaic and aimed against gender equality and, second, serves as an element of propaganda and features as a part of the “proxy war” that Russia wages against the West.

Key words: family values, religious values, “soft power”, Russia’s foreign policy, identity politics in Russia, gender relations in Russia.

Среди наиболее важных идей, которыми методология гендерных исследований обогатила социально-гуманитарное знание, — положение о том, что отношения между полами являются фактором социальных отношений в целом. Другое важнейшее положение гендерного подхода, которое необходимо принимать во внимание, состоит в том, что он — в отличие от традиционных исследований отношений между полами — «ориентирован на анализ систем доминирования» [Клецина, 2001]. Согласно известной оценке Дж. Скотт, гендер — это «первичный способ обозначения отношений власти» [Scott, 1986: 1067]; иными словами, иерархические отношения, характерные для гендерного порядка, становятся матрицей, легитимирующей другие виды неравенства.

Одним из наиболее примечательных примеров этих положений является сфера международных отношений, которая, как показала Дж. Тикнер, в значительной степени зависит от гендерных представлений; так, соперничество на международной арене облекается в форму соревнования в маскулинности, чем объясняется использование в дискурсе международных отношений гендерных и сексуальных метафор [Tickner, 2001]. В свою очередь, международные отношения — это дискурсивное пространство производства гендерного порядка [Hooper, 2001: 115].

Проблема «мягкой силы» как фактора успешности стран на международной арене привлекает внимание исследователей достаточно давно. «Мягкую силу» рассматривают как «совокупность гуманитарных ресурсов страны, которые можно реализовать при помощи набора определенных технологий» [Леонова, 2015: 88]. «Отец» данного термина, появившегося в академическом дискурсе в 1990 г., — американский политолог Дж. Най; с тех пор он стал чрезвычайно востребованным (об истории и проблемах его использования см.: [Леонова, 2015; Федотова, 2016]). Для России вопрос об имидже страны особенно актуален; в последнее десятилетие он не раз рассматривался на самом высоком уровне (Rutland, Kazantsev, 2016), а в 2013 г. в новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации был использован термин «мягкая сила».

Особое место в продвижении имиджа России сегодня занимают так называемые традиционные (прежде всего семейные и религиозные) ценности¹. Дискуссии о традиционных ценностях в России выходят за пределы спора о проблемах собственно семьи или религии; в них затрагиваются вопросы укрепления российской государственности, сохранения национальной идентичности, геополитического позиционирования страны, взаимоотношений России с Западом.

В западных странах проблема традиционных ценностей также широко обсуждается. Это связано в том числе с тем, что в семейной и религиозной сфере западноевропейских обществ сегодня происходят достаточно резкие изменения, которые принимаются далеко не всеми. В области семейных отношений — это кризис традиционной семьи, усиление влияния феминизма, легализация однополых браков. Среди вызовов, с которыми сталкивается религиозный уклад, — изменение конфессионального состава населения (сокращение общего количества христиан, рост числа агностиков и приверженцев ислама). В этих условиях возрастает интерес к тому, как данные проблемы решаются в России, — с учетом того, что она традиционно позиционируется в качестве некоей альтернативы Западу.

Наше исследование посвящено тому, как российские и западные медиа репрезентируют роль семейных и религиозных ценностей в российском обществе и как при этом они оценивают их значимость в арсенале «мягкой силы» страны. Вначале речь пойдет о роли этих ценностей в политике идентичности, проводимой различными акторами российской политики. Далее мы остановимся на том, как российские медиа оценивают возможность использования образа России как бастиона традиционных ценностей в качестве составляющей ее «мягкой силы». Наконец, предметом анализа будет взгляд западных медиа на семейные и религиозные отношения в российском обществе, а также на их роль в восприятии России в мире.

¹ За последние годы в России вышли десятки публикаций, посвященных семейным ценностям, в которых предлагается различное понимание данного термина (анализ подходов к определению понятия семейных ценностей см.: [Дюльдина, Шустова, 2016]). В настоящем исследовании «семейные ценности» нас интересуют как маркер, использующийся — в позитивном или негативном значении — для называния тех черт, которые ассоциируют с нуклеарной семьей. Очевидно, столь же сложно дать научное определение понятию традиционных религиозных ценностей, что не мешает его применять в дискуссиях о «мягкой силе» для обоснования преимуществ той или иной страны.

Традиционные ценности в современной политике российской идентичности

Образы семейных и религиозных отношений играют важную роль и в коллективной идентичности сообществ, и в репрезентациях отношений между ними. Обладая высокой значимостью для человека, апеллируя к важнейшим экзистенциальным вопросам и будучи связанными с длительной исторической традицией, они выступают важным маркером различий сообществ и активно привлекаются к проведению символических границ между ними. В России эти образы на протяжении веков — будь то Московское царство или СССР периода холодной войны — использовались в качестве символического пограничника, отделяющего Россию от Запада [Riabov, 2017]. Сегодня в дискурсе антизападничества тема отказа Запада от традиционных ценностей приобрела первостепенное значение.

Вопрос о том, как проблема традиционных ценностей рассматривается в российских медиа, мы считаем перспективным анализировать при помощи понятия политики идентичности. В российской политической науке сегодня утверждается понимание политики идентичности в качестве целенаправленной и мотивированной деятельности политических акторов по формированию, поддержанию и корректировке коллективной идентичности как микро-, так и макрополитических сообществ (см. подробнее: [Ачкасов, 2012]; об истории термина см.: [Цумарова, 2014: 19—21]). О. Малинова характеризует данное понятие в качестве видového по отношению к понятию символической политики, которая, с ее точки зрения, должна пониматься как «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение/навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова, 2013: 92]. Данная деятельность предполагает конкуренцию представлений [Малинова, 2012]; это означает, что политика идентичности может быть рассмотрена как символическая борьба за производство и продвижение способов интерпретации «своих» и «чужих» [Рябов Д. О., 2016: 34].

Политика российской идентичности, следовательно, может быть определена как вид символической политики, состоящий в целенаправленной деятельности политических акторов России по формированию, поддержанию и корректировке политической идентичности. Политическая идентичность, как любая другая коллективная идентичность, обладает такими характеристиками, как референтность, гетерогенность и контекстуальность [Курнаева, Рябов О. В., 2006]. Что касается референтности, то идентичность понимается как отношение между «своими» и «чужими», это обуславливает ключевое значение символической границы. Гетерогенность означает, что идентичность является процессом конкуренции политических дискурсов, которые соревнуются между собой за определение того, кто и почему является «своим», а кто — «чужим» [там же]. Наконец, о контекстуальности: образы «своих» и «чужих», а также символические границы между ними зависят от контекста, как временного, так и социального (восприятие «своих» испытывает влияние того, кто именно выступает в роли «чужих»).

На основании отмеченных свойств выделим важнейшие направления политики российской идентичности. Во-первых, это создание позитивной идентичности, т. е. производство узнаваемых и привлекательных образов «своих» как части

образа российскости, а также формирование чувства принадлежности к Российской Федерации у ее граждан. Во-вторых, это обеспечение внутреннего единства, солидарности за счет ослабления внутренних символических границ и реформирования коллективных идентичностей (этнические, конфессиональные, региональные, социальные), которые могли бы составить конкуренцию российской гражданской идентичности. В-третьих, это создание негативной идентичности, т. е. конструирование релевантных образов «чужих», позволяющих формировать и поддерживать позитивный образ «своих», а также видимой, прочной и легитимной символической границы между ними [Рябов Д. О., 2016: 61].

Таким образом, в политике российской идентичности формирование образов России и формирование образов «чужих», одним из которых выступает Запад, являются взаимообусловленными. Основная тенденция политики российской идентичности в последние годы — это позиционирование ее как не-Европы. Это отражает и преобладающие настроения в обществе; исследование Левада-центра, проведенное в 2015 г., показало, что 59 % россиян не соглашались с тезисом о том, что Россия — это Европа, и лишь 2 % считают себя людьми «западной культуры»².

Процесс подобного изменения российской идентичности начался более десятилетия назад; еще в 2008 г. Э. Лукас отметил важный сдвиг восприятия Запада в России: он перестал быть для нее моральным авторитетом, каковым являлся весь постсоветский период [Lucas, 2009]. Иными словами, Россия обретает моральный суверенитет (воспользуемся термином К. Вилкинсон), предполагающий право самостоятельно определять, что есть добро и что есть зло и где проходит граница между ними [Wilkinson, 2014].

Важным символическим пограничником, подкрепляющим сегодня противопоставление России и Европы, выступают традиционные ценности. Европа, в отличие от России, маркируется как девиантная в гендерном отношении. В российском интернет-пространстве для обозначения ненормальности европейского гендерного порядка в это время приобретает популярность термин «Гейропа». Термин довольно быстро стал использоваться и в более широком смысле — для обозначения либеральных ценностей, отстаиваемых в сегодняшнем ЕС (см. об этом подробнее: [Riabov, Riabova, 2014]). Другой традиционной ценностью, которая со временем также приобретает принципиальное значение в проведении границ между Россией и Европой, является религия.

Таким образом, мы видим характерное для отечественной культуры противопоставление России и Европы как отдельных цивилизаций. Однако необходимо обратить внимание на еще одно измерение цивилизационного дискурса: сегодняшний ЕС отличается в худшую сторону не только от России, но и от Европы прежней, «классической». В 2013 г. в речи на заседании Валдайского клуба В. Путин обвинил евроатлантические страны в том, что «они фактически отказались от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих

² «Запад»: восприятие и стремление эмигрировать // Левада-центр. 2015. 13 октября. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/13/zapad-vospriyatie-i-stremlenie-emigririvat/> (дата обращения: 30.05.2017); Козлов В. Кризис вызвал у россиян депрессию и ностальгию по СССР // РБК. 2016. 4 февраля. URL: <http://www.rbc.ru/politics/04/02/2016/56b241cb9a79470482dfe5bd> (дата обращения: 30.05.2017).

основу западной цивилизации»³. В 2017 г. министр иностранных дел С. Лавров заявил, что ценности, которые сегодня пытаются навязать России, противоречат тем, «которые исповедовали деды и прадеды европейцев». Апеллируя к дискурсу традиционных ценностей, глава МИД назвал нынешние постхристианскими⁴. Политолог С. Караганов выразил разочарование немалой части российского общества следующим образом: «...мы хотели быть похожи не на нынешнюю Европу, а на ту, какой она была условно в пятидесятые годы. <...> Хотели быть культурными европейцами, преданными христианским идеалам, от которых столько лет были отрезаны, мы хотели в Европу Аденауэра, Черчилля и де Голля. А пришли в совершенно другую, благополучно прежнюю себя отринувшую и ныне исповедующую совсем иные ценности»⁵.

Отметим еще один принципиальный момент. Обвиняя сегодняшнюю Европу в вырождении, дискурс традиционных ценностей репрезентирует Россию как наследницу Европы подлинной, обращаясь к сформулированной еще Ф. Достоевским идее «двух Европ» (анализ использования этой идеи в геополитическом дискурсе см.: [Хеллман, 1989: 218; Neumann, 1996: 117]). В постсоветский период эта тенденция обозначилась уже в начале 2000-х гг. [Savkina, 2005: 470—471]. Сегодня же подчеркивается, что многие в Европе смотрят с надеждой на Россию как на хранительницу христианских, а следовательно, подлинно европейских ценностей и на В. Путина как на защитника этих ценностей⁶. Вначале такая идея высказывалась в основном представителями консервативных организаций. В дальнейшем ее стали поддерживать влиятельные политики и журналисты. С. Марков, директор Института политических исследований, заметил, что в постмодернистской Европе такого рода извращения, как гомосексуализм, признаются нормой. Россия же идет по другому пути, она определяет себя как консервативный фланг Европы и этим преодолевает свой кризис идентичности, благодаря чему обретает искренних сторонников в Европе: «Она становится оплотом, крепостью и маяком для консервативных европейцев»⁷.

Иными словами, постепенно российская элита приходит к мысли о том, что позиционирование страны как бастиона традиционных ценностей и при этом наследницы христианской цивилизации может быть использовано в качестве ресурса «мягкой силы». Отметим, что в 2016 г. Россия впервые вошла в список 30 стран, использующих «мягкую силу» для достижения внешнеполитических целей (его возглавили США, Германия и Япония). Эксперты, составляющие

³ Стенограмма выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская газета. 2013. 19 сентября. URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 18.03.2017).

⁴ См.: Назарова А. Лавров: Москва не приемлет абсолютизацию либеральных ценностей Запада // Взгляд. 2017. 17 января. URL: <https://vz.ru/news/2017/1/17/853699.html> (дата обращения: 30.05.2017).

⁵ URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Glavnyi-rossiiskii-tovar--bezopasnost-18086> (дата обращения: 30.05.2017).

⁶ См., напр.: Эксперт: на Западе велико одобрение действий Путина // Взгляд. 2013. 2 июля. URL: <https://vz.ru/news/2013/7/2/639573.html> (дата обращения: 30.05.2017).

⁷ Цит. по: Белобородова О. «Знаменуют самоидентификацию России» // Взгляд. 2013. 6 ноября. URL: <http://www.vz.ru/politics/2013/6/11/631085.html> (дата обращения: 08.04.2017).

список, поставили России в заслугу как ее роль в борьбе с терроризмом, так и богатую культуру. Любопытно, что закон, запрещающий пропаганду нетрадиционных отношений, они расценили как фактор, негативно сказывающийся на потенциале «мягкой силы» страны. Однако С. Караганов, комментируя это решение, высказал мнение, что Россия привлекает огромное количество людей тем, что предоставляет другой, альтернативный и близкий большинству человечества вариант развития, отстаивает традиционные ценности и показывает всем пример защиты самостоятельности и суверенитета⁸.

В свою очередь, в либеральных медиа утверждается, что обращение власти к традиционным ценностям может привести к «социальному инфантилизму», усилению религиозных и националистических предрассудков и в конечном счете к торможению социального и интеллектуального прогресса⁹.

Традиционные ценности и современная Россия: взгляд западных медиа

Как идея о том, что в сегодняшнем мире Россия является бастионом традиционных ценностей, несущим спасение западной цивилизации, воспринимается в западных медиа? Образ России в странах Запада, как уже было отмечено, неоднороден, но в целом в нем преобладают негативные оттенки. Так, в политике идентичности еврооптимистов, декларирующих в качестве своей цели формирование европейской солидарности, Россия репрезентируется как недемократичная, националистическая, милитаристская страна (см. подробнее: [Рябов Д. О., 2016]). Вместе с тем у большинства сторонников партий евроскептиков образ России скорее положительный; для них она воплощает подлинно европейские ценности (национальный суверенитет, национальная идентичность, христианство, ценности традиционной семьи), в пренебрежении которыми они обвиняют власти ЕС [там же]. К примеру, лидер французского Народного фронта М. Ле Пен в период президентской кампании 2017 г. заявляла, что русские — великий европейский народ, а Россия — часть Европы¹⁰.

Сегодня образ России как оплота традиционных ценностей имеет место в выступлениях европейских политиков, общественных деятелей и экспертов. В идеологии современных правых популистских партий семья и христианство объявляются важнейшими для Европы. Премьер-министр Венгрии В. Орбан противопоставил традиционные ценности (Бог, семья и нация) ценностям светского, транснационального, не основанного на семье общества современной Западной Европы¹¹. В сегодняшней России правые популисты видят главную союзницу

⁸ См.: Чеснокова Е. Политолог: Россия заслуживает более высокого места в рейтинге «мягкой силы» // РИА «Новости». 2016. 14 июня. URL: <https://ria.ru/politics/20160614/1447147413.html> (дата обращения: 30.05.2017).

⁹ См., напр.: Иноземцев В. Кому помогли «традиционные ценности» // Сноб. 2016. 7 июня. URL: <https://snob.ru/selected/entry/109359> (дата обращения: 01.04.2017).

¹⁰ Ле Пен: хорошие отношения с Россией — залог спокойного будущего Европы // Правда.Ру. 2017. 14 апреля. URL: <https://www.pravda.ru/news/world/14-04-2017/1330747-lepen-0/> (дата обращения: 30.05.2017).

¹¹ *Orban V.* The role of traditional values in Europe's future // Chatham House. The Royal Institute of International Affairs. 2013. 10 сентября. URL: <https://www.chathamhouse.org/node/2903> (дата обращения: 31.05.2017).

в защите семьи, а в ее президенте — своего единомышленника в отстаивании семейных ценностей¹². Неслучайно в дискуссиях о будущем европейской семьи и Европы в целом консервативные европейские политики ссылаются на российский опыт. О поддержке принятых в России законов о запрещении пропаганды нетрадиционных семейных отношений среди несовершеннолетних и запрете усыновления однополыми парами заявила М. Ле Пен¹³. Защищает российские законы правое испанское издание, которое пишет, что сразу же после того как В. Путин стал премьер-министром России, он превратился в своего рода демона для гей-лобби¹⁴.

Заметную роль в отношении к России играет и образ страны как защитницы христианства. Один из журналистов противопоставляет европейскую культуру российской, в которой «сохраняется чувство божественного начала церкви и ее священного пространства»¹⁵. М. Ле Пен, несмотря на то что она сторонница светского государства, считает В. Путина единомышленником в защите христианского наследия, так как именно оно, по ее мнению, является основой европейской цивилизации¹⁶.

Еще с большим энтузиазмом к представлениям о России как бастионе традиционных ценностей относятся в США. Это в какой-то степени парадоксально; в годы холодной войны Советская Россия объявлялась империей зла, а советские люди — безбожными коммунистами, уничтожающими семью [Riabov, 2017]. Сегодня же американские консерваторы, по крайней мере часть из них, сравнивают В. Путина с Р. Рейганом, рассматривая российского лидера как наиболее яркого защитника семейных и религиозных ценностей, на страже которых стояли американские антикоммунисты того времени¹⁷.

Политике России в отношении защиты семейных ценностей симпатизируют прежде всего те, кто придерживается консервативных взглядов. Так, один из наиболее известных представителей палеоконсерватизма П. Бьюкенен поддержал запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних; по его мнению, Россия превращается в лидера борьбы за сохранение семьи¹⁸.

¹² См. об этом: *Vinosur J.* Vladimir Putin's woman in Paris // Wall Street Journal. 2014. 26 мая. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702303903304579585792206384568> (дата обращения: 20.11.2014).

¹³ СМИ: Франция воспрянет, когда у нее появится свой Путин // Взгляд. 2015. 31 декабря. URL: <http://www.vz.ru/news/2015/12/31/786972.html> (дата обращения: 17.03.2017).

¹⁴ *Эснарса Х.* Антигейский закон в России — инструмент национального выживания // ИноСМИ. 2013. 26 августа. URL: <http://inosmi.ru/world/20130826/212264304.html> (дата обращения: 17.03.2017).

¹⁵ *Jones N.* Pussy Riot's protests threaten more than just the Putin regime // New Statesman. 2012. 31 июля. URL: <http://www.newstatesman.com/blogs/world-affairs/2012/07/pussy-riots-protests-threaten-more-just-putin-regime> (дата обращения: 17.03.2017).

¹⁶ *Quand Marine Le Pen courtise Vladimir Poutine* // Le Point. 2014. 18 мая. URL: http://www.lepoint.fr/politique/quand-marine-le-pen-courtise-vladimir-poutine-18-05-2014-1824895_20.php (дата обращения: 31.05.2017).

¹⁷ См., напр.: *Лерма Х.* За что американцы уважают Путина // Правда.Ру. 2013. 18 сентября. URL: <https://www.pravda.ru/world/northamerica/usacanada/18-09-2013/1174814-putin-0/> (дата обращения: 30.05.2017).

¹⁸ См.: *Przelomiec M.* Ostatnia nadzieja zachodniego konserwatyzmu? // Polonia Christiana. 2014. № 37. URL: <http://www.pch24.pl/ostatnia-nadzieja-zachodniego-konserwatyzmu-,31186.pch.html> (дата обращения: 17.03.2017).

Вопрос о защите семейных ценностей в России тесно связан с темой положения в обществе христианства. По мнению палеоконсерваторов, современный Запад стал «постхристианским» и только Россия, великая консервативная держава, воплощает его забытые традиционные ценности¹⁹. Заслуживает упоминания и прогноз известной американской публицистки, сторонницы республиканской партии Э. Коултер, которая написала в твиттере в июне 2017 г. следующее: «Не пройдет и двадцати лет, как Россия останется единственной европейской страной»²⁰. Прежде всего такой образ России как защитницы христианских ценностей связан с имиджем ее президента. Авторы публикаций в американских медиа подчеркивают, что В. Путин — христианин подлинный, который многое делает для религиозного возрождения России. Кроме того, он воспринимается как государственный лидер, который открыто защищает христианские ценности в мире. Показательно, что в 2013 г. один из видных представителей церкви в США назвал его в связи с этим «львом христианства»²¹. Нельзя не упомянуть и о том, что иногда поддержка России проявляется в довольно экзотическом контексте. Например, «Chicago Tribune» рассказывает, что в штате Виргиния во время протестов против демонтажа памятника, связанного с Конфедерацией, несколько десятков демонстрантов скандировали «Россия — наш друг!»; при этом представители «альтернативных правых», если верить газете, заявляли, что Россия — это «единственная в мире белая держава», «лидер свободного мира», «организатор антиглобалистского альянса»²².

Отмеченные издания, а также выступавшие в них политики и эксперты не принадлежат к числу самых влиятельных. Анализ общественного мнения, однако, показывает, что в последнее время идея поворота к традиционным ценностям в западных странах становится все более популярной; сторонники данной идеи осведомлены, что их союзником в этом является сегодняшняя Россия. Например, проведенное в 2017 г. социологическое исследование в странах Новой Европы показало, что более трети опрошенных в Чехии (40 %) и Словакии (36 %) считают, что ЕС заставляет их отказаться от традиционных ценностей. При этом 41 % словаков уверен, что «Россия встала на сторону традиционных ценностей», в Чехии так считают 27 %, в Венгрии — 18 %, в Польше — 14 %²³. В США сегодня в целом преобладают негативные чувства по отношению к России, которые вызваны в том числе интенсивной антироссийской пропагандой, связанной

¹⁹ Larison D. Persecuting Putin // *Taki's Magazine*. 2007. 14 февраля. URL: http://takimag.com/article/persecuting_putin/print (дата обращения: 31.05.2017).

²⁰ Coulter A. In 20 years, Russia will be the only country that is recognizably European // *Twitter*. 2017. 3 июня. URL: <https://twitter.com/AnnCoulter/status/871210560100216833> (дата обращения: 03.06.2017).

²¹ См.: Blue M. Fischer Praises Putin, Calls Him a «Lion of Christianity». 2013. 10 октября. URL: <http://www.rightwingwatch.org/post/fischer-praises-putin-calls-him-a-lion-of-christianity/> (дата обращения: 30.05.2017).

²² См.: Пейдж К. Путин — лучший друг «альтернативных правых»? // *ИноСМИ.Ru*. 2017. 18 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170518/239379762.html> 18.05.2017) (дата обращения: 30.05.2017).

²³ Сколько процентов чехов думает как русский мужик? Больше, чем допустимо // *ИноСМИ.Ru*. 2017. 30 мая. URL: <http://inosmi.ru/social/20170530/239471572.html> (дата обращения: 30.05.2017).

с результатами президентских выборов 2016 г. Однако обратим внимание на то, что если в 2014 г. опросы в США показывали, что В. Путин пользовался симпатиями всего 10 % республиканцев, в декабре 2016 г. число поддерживающих его достигло уже 37 %. Защита Россией традиционных ценностей, которые лежат в основе идеологии американских консерваторов, является, очевидно, одной из причин роста поддержки российского президента в их среде²⁴.

Итак, роль традиционных ценностей в усилении влияния России в мире стала достаточно заметной. Большинство западных медиа видит в такой «мягкой силе» угрозу. Например, автор статьи в португальской «Observador» считает для Запада большой проблемой то, что предлагаемое Россией видение международного порядка обретает все больше сторонников²⁵. Частью «гибридной войны» России считает продвижение мультфильма «Маша и Медведь» на Западе эстонский эксперт²⁶; поскольку медведь, по его словам, однозначно ассоциируется с Россией, то позитивный образ одноименного героя несет угрозу для безопасности Эстонии²⁷ (об образе России как медведя в дискурсе современных международных отношений см.: [Riabov, Lazari: 2009]). Журналист американской «Politico» высказывает мысль о том, что привлекательность России в значительной мере определяется ее ролью альтернативы Западу; демонстрация поддержки в адрес В. Путина, считает автор, стала эквивалентом того, что для левых значили футболки с портретом Э. Че Гевары²⁸.

В последнее время специфика ««мягкой силы» жестких режимов» [Bagt, Feklyunina, Theys, 2015] (и России, в частности) активно обсуждается и в академическом дискурсе. Дж. Най, анализируя случай России, вводит новый термин — «негативная мягкая сила» как способность уменьшить «мягкую силу» соперника. Однако он полагает, что в современной политической ситуации следует говорить не о «мягкой силе» России, а об ее успехах в информационной войне [Най, 2017].

Большинство исследователей все же признают очевидный успех России в обретении «мягкой силы». По мнению М. Ларуэль, Россия способна в конечном итоге добиться признания своей «мягкой силы» (см.: [Федотова, 2016]; об успехах

²⁴ Politico рассказал, почему все больше республиканцев уважают Путина // РИА «Новости». 2016. 16 декабря. URL: <https://ria.ru/world/20161216/1483856014.html> (дата обращения: 30.05.2017); FT: в США растет число симпатизирующих Путину // Газета.Ru. 2016. 20 сентября. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/09/20/n_9129701.shtml (дата обращения: 30.05.2017).

²⁵ Солер Д. Путин и «путинцы» // ИноСМИ.Ru. 2017. 17 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170517/239369082.html> (дата обращения: 30.05.2017).

²⁶ Куннас К. «Маша и Медведь» — часть гибридной войны? // ИноСМИ.Ru. 2017. 31 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170531/239476978.html> (дата обращения: 02.06.2017).

²⁷ Итальянская журналистка, настроенная менее алармистски, отмечает, что этот Медведь потому и эффективен в качестве «мягкой силы», что пропагандирует привычный образ ребенка и традиционные семейные ценности (*Помтили Дж.* «Маша и Медведь» — главное достижение «мягкой силы» Владимира Путина // ИноСМИ.Ru. 2016. 3 декабря. URL: <http://inosmi.ru/social/20161213/238382109.html> (дата обращения: 30.05.2017)).

²⁸ Pomerantsev P. How Putin Became the Che Guevara of the Right. 2016. 7 ноября. URL: <http://www.politico.eu/article/how-vladimir-putin-russia-became-che-guevara-of-right-wing/> (дата обращения: 30.05.2017).

и неудачах в стратегиях использования Россией «мягкой силы» см. также: [Sergunin, Karabeshkin, 2015; Feklyunina, 2016]; о факторах, снижающих ее эффективность, см.: [Hudson, 2015]). Подобную точку зрения разделяют и другие исследователи, считающие, что Россия пытается выработать «идеологический вызов и предложить альтернативу превалирующей западной гегемонии в области конструирования норм и ценностей в международной системе» [Федотова, 2016: 66] (см. также: [Kiseleva, 2015; Wilson, 2015]).

Таким образом, защита Россией традиционных ценностей позволяет завоевать симпатии той части граждан стран Запада, которые не разделяют принципы общества постмодернизма, объявляющего устаревшими такие понятия, как семья, религия, нация, государственный суверенитет. Вместе с тем этот новый образ России встречает и критику. Обозначим ее основные модусы.

Прежде всего, критика строится при помощи утверждения, что руководство России относится к традиционным ценностям чисто инструментально, используя их для продвижения своих внешнеполитических интересов. Подобный подход представляет собой часть пресловутой «гибридной войны», которую Россия ведет против Запада. Так сформулировал свое отношение к проблеме председатель партии «Союз Отечества — Христианские демократы Литвы»²⁹. Защитники католицизма стараются реанимировать прежнее недоверие Запада к православию, указывая на чуждость той версии христианства, которое представляет Россия, западной христианской традиции. Например, ведущее периодическое издание американских католиков утверждает, что антизападничество В. Путина содержит в себе и радикальное отрицание католицизма, поэтому католики, которые восхищаются российским лидером, фактически поддерживают антикатолицизм³⁰. Аналогичные идеи можно встретить и в медиа, близких к католическим кругам Польши; в одном из них утверждается, что на роль защитницы семейных ценностей Россия претендовать не может по причине высокого уровня разводов и большого количества аборт³¹.

Второй модус критики, обращенной уже к иной аудитории, связан с позицией оппонентов традиционных ценностей. Для них Россия воплощает прошлое человеческой цивилизации; по их мнению, симпатии к ее политике могут испытывать только опасные демагоги-евроскептики, стремящиеся к разрушению ЕС, или же «полезные идиоты» Кремля, забывшие об «ужасах российского империализма»³². Особенно часто такая критика касается семейных ценностей:

²⁹ Литовский политик назвал четыре пути использования российской «мягкой силы» // Взгляд. 2014. 07 февраля. URL: <http://vz.ru/news/2014/2/7/671557.html> (дата обращения: 31.05.2017).

³⁰ *Lucie-Smith A.* Putin's anti-Westernism contains within it a profound anti-Catholicism // Catholic Herald.co.uk. 2014. 25 апреля. URL: <http://www.catholicherald.co.uk/commentandblogs/2014/04/25/putins-anti-westernism-contains-within-it-a-profound-anti-catholicism/> (дата обращения: 31.05.2017).

³¹ *Энджейчак М.* Фатимские пророчества — ключ к пониманию мира // ИноСМИ.Ru. 2017. 14 марта. URL: <http://inosmi.ru/social/20170314/238870637.html> (дата обращения: 30.05.2017).

³² См., напр.: *Мичел К.* Как Россия стала лидером правых христиан во всем мире // ИноСМИ.Ru. 2017. 10 февраля. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170210/238703269.html> (дата обращения: 31.05.2017).

распространенными являются представления о России как стране, основанной на патриархате и гендерной интолерантности, и ее лидере как убежденном стороннике устаревших представлений о мужественности и женственности [Рябов Д. О., 2013]. Немецкая «Ди Вельт» отмечает, что защита депутатами традиционных семейных ценностей идет рука об руку с поощрением семейного насилия, интерпретируя таким образом принятый в России закон о декриминализации некоторых форм бытового насилия³³.

Заключение

Сформулируем основные выводы. В политике российской идентичности все большую популярность приобретает образ России как оплота традиционных ценностей, как страны, являющейся наследницей европейской цивилизации. Репрезентации гендерного порядка — мы бы хотели это особо акцентировать — выступают эффективным ресурсом «мягкой силы» страны на международной арене. В свою очередь, дискурс международных отношений играет роль фактора, влияющего на гендерные отношения в российском обществе. Образ России как страны, позиционирующей себя в качестве противника происходящих в мире перемен — прежде всего в связи с глобализационными процессами — достаточно утвердился и на Западе. Этот образ — часть укорененной тенденции, связанной с представлениями о России как надежде христианского мира, которые возникают в XIX в. [Рябов Д. О., 2016]. Сегодня, в условиях кризиса западной семьи и христианства, он снова становится востребованным. Вместе с тем он подвергается критике, в которой можно выделить два основных модуса. Во-первых, акцент на инструментальности подхода В. Путина в защите этих ценностей и опасности союза с ним, какова бы ни была основа данного союза. Во-вторых, критика самой идеи восстановления роли традиционных ценностей в глобализирующемся мире.

Библиографический список

- Ачкасов В. А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. 230 с.
- Дюльдина Ж. Н., Шустова Л. П.* Категории «ценность» и «семейные ценности» в философских, психологических и социально-педагогических науках // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 11, ч. 1. С. 96—99.
- Клецина И. С.* Гендерный подход и равноправие в межличностных отношениях // *Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения* / под ред. Г. А. Тишкина. СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2001. С. 249—255. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/klecina/gendernyy-podhod-i-ravnopravie-v-mezhlichnostnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 30.05.2017).

³³ См.: *Смирнова Ю.* В России намерены смягчить наказание за насилие в семье // *ИноСМИ.Ru*. 2017. 27 января. URL: <http://inosmi.ru/social/20170127/238613305.html> (дата обращения: 30.05.2017).

- Курнаева Н. А., Рябов О. В. «Гусары денег не берут»: Свои и Чужие в гендерном дискурсе коллективной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2006. № 518. С. 239—246.
- Леонова О. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель-Observer: научно-аналитический журнал. 2015. № 2. С. 80—89.
- Малинова О. Ю. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политическая экспертиза. 2012. Т. 8, № 4. С. 179—204.
- Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России. М.: Ин-т науч.-информ. по обществ. наукам РАН, 2013. 421 с.
- Най Дж. Информационные войны или мягкая сила // ИноСМИ.Ru. 2017. 14 мая. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170514/239344621.html> (дата обращения: 30.05.2017).
- Рябов Д. О. Российский Другой в идентичности ЕС: репрезентации современного российского гендерного порядка в европейской прессе // Женщина в российском обществе. 2013. № 4. С. 98—105.
- Рябов Д. О. Образ России в политике европейской идентичности ЕС: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 173 с.
- Федотова Н. Н. Анализ культурных ресурсов: мягкая мощь и идентичность // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. С. 55—69.
- Хеллман Б. Когда время славянофильствовало: русские философы и Первая мировая война // Проблемы истории русской литературы начала XX века. Helsinki, 1989. P. 211—239. (Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia).
- Цумарова Е. Ю. Политика идентичности в регионах России: теоретический и практический аспекты: (на примере Республики Карелия): дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014. 157 с.
- Barr M., Feklyunina V., Theys S. Introduction: the soft power of hard states // Politics. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 213—215.
- Feklyunina V. Soft power and identity: Russia, Ukraine and the «Russian world(s)» // European Journal of International Relations. 2016. Vol. 22, № 4. P. 773—796.
- Hooper Ch. Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics. New York: Columbia University Press, 2001. 224 p.
- Hudson V. «Forced to friendship»? Russian (mis-)understandings of soft power and the implications for audience attraction in Ukraine // Politics. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 330—346.
- Kiseleva Y. Russia's soft power discourse: identity, status and the attraction of power // Politics. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 316—329.
- Lucas E. The New Cold War: How the Kremlin Menaces both Russia and the West. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2009. 342 p.
- Neumann I. B. Russia and the Idea of Europe: a Study in Identity and International Relations. London; New York: Routledge, 1996. 272 p.
- Riabov O. Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 19, № 1. P. 193—219.
- Riabov O., Lazari A. de. Misha and the bear: the bear metaphor for Russia in representations of the «Five-Day War» // Russian Politics and Law. 2009. Vol. 47, № 5. P. 26—39.
- Riabov O., Riabova T. Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and legitimation of power under Vladimir Putin // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, № 2. P. 23—35.
- Rutland P., Kazantsev A. The limits of Russia's «soft power» // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9, № 3. P. 395—413.

- Savkina I.* Гендер с русским акцентом // Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland / ed. by E. Cheaure, R. Nohejl, A. Napp. Würzburg: Ergon Verlag, 2005. P. 457—471.
- Scott J. W.* Gender: a useful category of historical analysis // *The American Historical Review*. 1986. № 91. P. 1053—1075.
- Sergunin A., Karabeshkin L.* Understanding Russia's soft power strategy // *Politics*. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 347—363.
- Tickner J. A.* *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*. New York: Columbia University Press, 2001. 200 p.
- Wilkinson C.* Putting «traditional values» into practice: the rise and contestation of anti-homopropaganda laws in Russia // *Journal of Human Rights*. 2014. Vol. 13, № 3. P. 363—379.
- Wilson J.* Russia and China respond to soft power: interpretation and readaptation of a Western construct // *Politics*. 2015. Vol. 35, № 3—4. P. 287—300.

References

- Achkasov, V. A. (2012) *Politika identichnosti mul'tiэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности* [Politics of identity of multiethnic states in the context of solving the security problem], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Barr, M., Fekliunina, V., Theys, S. (2015) Introduction: The soft power of hard states, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 213—215.
- Diul'dina, Zh. N., Shustova, L. P. (2016) Kategorii "tsennost'" i "semeinye tsennosti" v filosofskikh, psikhologicheskikh i sotsial'no-pedagogicheskikh naukakh ["Value" and "family values" categories in philosophy, psychology, pedagogy, and social sciences], *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*, no. 11, pt. 1, pp. 96—99.
- Fedotova, N. N. (2016) Analiz kul'turnykh resursov: miagkaia moshch i identichnost' [Analysis of cultural resources: soft power and identity], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4.
- Feklyunina, V. (2016) Soft power and identity: Russia, Ukraine and the "Russian world(s)", *European Journal of International Relations*, vol. 22, no. 4, pp. 773—796.
- Hellman, B. (1989) Kogda vremia slavianofil'stvovalo: Russkie filosofy i Pervaia mirovaia voina [When the time was slavophile: Russian philosophers and the First World War], in: *Problemy istorii russkoj literatury nachala XX veka*, Helsinki, pp. 211—239.
- Hooper, Ch. (2001) *Manly States: Masculinities, International Relations, and Gender Politics*, New York: Columbia University Press.
- Hudson, V. (2015) "Forced to friendship"? Russian (mis-)understandings of soft power and the implications for audience attraction in Ukraine, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 330—346.
- Kiseleva, Y. (2015) Russia's soft power discourse: identity, status and the attraction of power, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 316—329.
- Kletsina, I. S. (2001) Gendernyi podkhod i ravnopravie v mezhluchnostnykh otnosheniiakh [Gender approach and equality in interpersonal relations], in: Tishkin, G. A. (ed.), *Rossiiskie zhenshchiny i evropejskaia kul'tura: Materialy V konferentsii, posviashchennoĭ teorii i istorii zhenskogo dvizheniia* [Russian women and European culture: Proceedings of the V conference on the theory and history of the women's movement], St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp. 249—255.

- Kurnaeva, N. A., Riabov, O. V. (2006) “Gusary deneg ne berut”: Svoi i Chuzhie v gendernom diskurse kollektivnoi identichnosti [“Hussars do not take the money”: Ours and Theirs in the gender discourse of collective identity], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 518, pp. 239—246.
- Leonova, O. (2015) Interpretatsiia poniatiia “miagkaia sila” v nauke [Interpretation of the “soft power” concept in science], *Obzrevatel'-Observer: nauchno-analiticheskii zhurnal*, no. 2, pp. 80—89.
- Lucas, E. (2009) *The New Cold War: How the Kremlin Menaces Both Russia and the West*, London: Bloomsbury Publishing PLC.
- Malinova, O. Iu. (2012) Politicheskoe ispolzovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoi politiki: evoliutsiia diskursa vlastvuiushchei elity v postsovetskoii Rossii [The political use of the past as an instrument of symbolic politics: the evolution of the discourse of the ruling elite in Post-Soviet Russia], *Politicheskaiia ekspertiza*, vol. 8, no. 4, pp. 179—204.
- Malinova, O. Iu. (2013) *Konstruirovaniie smyslov: issledovaniie simvolicheskoi politiki v sovremennoi Rossii* [The construction of meanings: the study of symbolic politics in modern Russia], Moscow: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.
- Neumann, I. B. (1996) *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*, London, New York: Routledge.
- Nye, J. (2017) Informatsionnye voiny ili miagkaia sila [Information warfare versus soft power], *InoSMI.Ru*, available from <http://inosmi.ru/politic/20170514/239344621.html> (accessed 30.05.2017).
- Riabov, D. O. (2013) Rossiiskii Drugoi v identichnosti ES: Reprezentatsii sovremennogo rossiiskogo gendernogo poriadka v evropeiskoi presse [Russian Other in the EU identity: Representations of modern Russian gender order in the European press], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 98—105.
- Riabov, D. O. (2016) *Obraz Rossii v politike evropeiskoi identichnosti ES*: Dis. ... kand. polit. nauk [The Image of Russia in the European identity politics in the EU: Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Riabov, O. (2017) Gendering the American enemy in early Cold War Soviet films (1946—1953), *Journal of Cold War Studies*, vol. 19, no. 1, pp. 193—219.
- Riabov, O., de Lazari A. (2009) Misha and the bear: The bear metaphor for Russia in representations of the “Five-Day War”, *Russian Politics and Law*, vol. 47, no. 5, pp. 26—39.
- Riabov, O., Riabova, T. (2014) The Remasculinization of Russia? Gender, nationalism and Legitimation of power under Vladimir Putin, *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no. 2, pp. 23—35.
- Rutland, P., Kazantsev, A. (2016) The limits of Russia’s “soft power”, *Journal of Political Power*, vol. 9, no. 3, pp. 395—413.
- Savkina, I. (2005) Gender s russkim aktsentom [Gender with Russian accent], in: Cheure, E., Nohejl, R., Napp, A. (eds), *Vater Rhein und Mutter Wolga: Diskurse um Nation und Gender in Deutschland und Russland*, Wurzburg: Ergon Verlag, pp. 457—471.
- Scott, J. W. (1986) Gender: A useful category of historical analysis, *The American Historical Review*, vol. 91, no. 5, pp. 1053—1075.
- Sergunin, A., Karabeshkin, L. (2015) Understanding Russia’s Soft Power Strategy, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 347—363.
- Tickner, J. A. (2001) *Gendering World Politics: Issues and Approaches in the Post-Cold War Era*, New York: Columbia University Press.
- Tsumarova, E. Iu. (2014) *Politika identichnosti v regionakh Rossii: teoreticheskii i prakticheskii aspekty: (Na primere Respubliki Kareliia)*: Dis. ... kand. polit. nauk

- [Identity policy in the Russia regions: theoretical and practical aspects: (On the example of the Republic of Kareliia): Diss. (Cand. Sc.)], St. Petersburg.
- Wilkinson, C. (2014) Putting “traditional values” into practice: the rise and contestation of anti-homopropaganda laws in Russia, *Journal of Human Rights*, vol. 13, no. 3, pp. 363—379.
- Wilson, J. (2015) Russia and China respond to soft power: interpretation and readaptation of a Western construct, *Politics*, vol. 35, no. 3—4, pp. 287—300.

Статья поступила 06.07.2017 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябов Дмитрий Олегович — кандидат политических наук, ассистент департамента прикладной политологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия, dm.riabov@gmail.com (Cand. Sc. (Political Sc.), Assistant at the Department of Political Science, National Research University “Higher School of Economics” (St. Petersburg), St. Petersburg, Russian Federation).